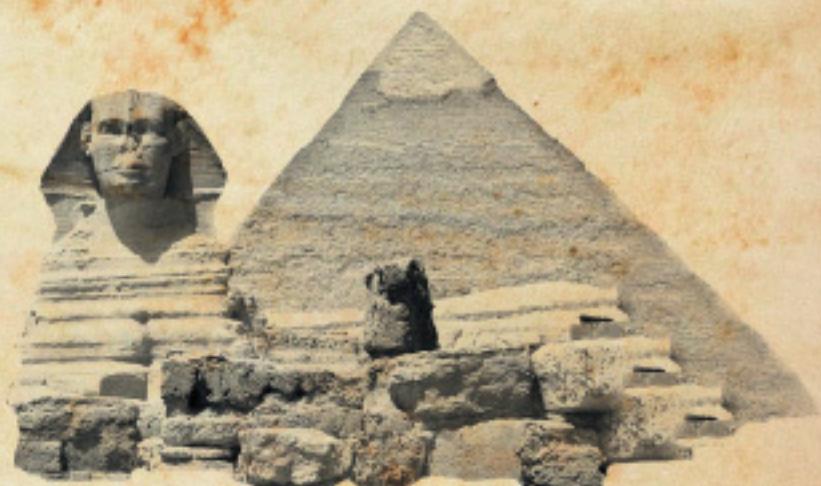

$$\begin{aligned}
 & \frac{1}{E - E_1} V_{12} \rightarrow V_{12} T_1 / \frac{1}{E - E_1} \\
 & \left(\frac{1}{E - E_1} \right) \left\langle \Psi_2^{(1)} V_{12}^+ \int dE \frac{1}{E - E_1} \right\rangle \\
 & = \frac{1}{E - E_1} V_{12} T_1 / \frac{1}{E - E_1} \\
 & U_{12} = \left\langle \Psi_1 U_1 / H_1 \right\rangle + \frac{\left\langle \Psi_2^{(1)} V_{12}^+ U_1 \right\rangle}{E - (E_1 - \frac{T_1}{2})} \\
 & \left\langle U_{12} \right\rangle = - \frac{1}{\pi E} \sum \left\langle \Psi_2^{(1)} \left| \frac{1}{E - E_1} \right| U_{12} \right\rangle
 \end{aligned}$$

M.

ВЕЛЛЕР

ЧТО К ЧЕМУ

Михаил Веллер

Что к чему

«Издательство АСТ»

2012

Веллер М. И.

Что к чему / М. И. Веллер — «Издательство АСТ», 2012

ISBN 978-5-271-41360-5

Сборник новых эссе автора посвящен животрепещущим вопросам современной жизни и законам человеческих взаимоотношений. Нестандартный взгляд на привычные понятия и представления по-новому позволяет осмыслить сущность окружающего нас мира.

ISBN 978-5-271-41360-5

© Веллер М. И., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Искушение	5
Жестокость	5
Предательство	9
Агрессивность	14
Искушение	16
Уровень некомпетентности	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Михаил Веллер

Что к чему

Искушение

Жестокость

Слово нехорошее. Непривлекательное. Ассоциируется с ощеренными в усмешке зубами и чем-то вроде ножа в жилистой руке, плюс сверху холодный прищур глаз. Смыкается с понятиями беспощадности, агрессивности и садизма. Мрачноватая радость от того, что заставляешь другого страдать. Возможность власти над кем-то, употребляя эту власть ему во зло: причинение зла.

Однако есть в понятии жестокости и что-то привлекательное. Сила привлекательна, и власть как проявление этой силы. Ее побаиваются, она немало может: сломить, уничтожить, навязать свою волю. Победить, заставить считаться с собой. Враги есть у каждого, мордой в лужу тыкали каждого, и каждый в воображении рисовал себе сладкие картины праведной расправы. Растрявленный оскорблением человек в воображении жесток, мечтая о страхе и унижении врага. Даже мягкосердечный и слабодушный ощущает, что быть «или хоть выглядеть» жестоким бывает приятно: пусть боятся и считаются, ты крутой.

Жестокость – это способность причинять другому то, что для него является злом, по своей воле и сверх необходимого для собственного благополучия. То есть убить врага в честном поединке – это нормально, а вот живьем содрать шкуру с поверженного – это уже жестоко.

Жестокая работа – убойный цех мясокомбината. Ан мясо жрут все, кроме вегетарианцев. И люди в цехе могут работать хорошие и добрые. Просто работа такая. В жизни вообще без жестокости не обойдешься: не сожрет леопард антилопу – сам сдохнет с голоду.

Жестокое зрелище – гладиаторы на арене. Хоть и по-честному – а все равно режутся до смерти.

Так вот: где «разумная мера» жестокости и как к ней относиться?

Во времена старинные в перечень обязательных эпитетов вождя входило что-нибудь типа «жестокий с врагами»; и это считалось хорошо и достойно уважения и подражания. Чтоб боялись и уважали! Однако мы давно привыкли, что мораль решительно осуждает жестокость, иногда со вздохом соглашаясь мириться с ее вынужденностью.

Итак. Жестокость бывает мотивированная и немотивированная, а мотивированная бывает вынужденная и излишняя.

Хулиган от не фиг делать изуродовал прохожего. Это жестокость немотивированная, и все негодуют. А хулиган поддал и бахвалится пред друзьями, как он его сделал: вот он какой крутой, жестокий, страшный, доволен собой: самоутверждается.

Прохожий кое-как оклемался через полгода, подкараулил хулигана пьяным, переломал все кости и отбил потроха, помер хулиган в страшных мучениях. Это жестокость мотивированная: сам мужика достал, ни за что изуродовал. И все говорят: жестоко, конечно, но вообще мужик прав.

А вот если он так же насмерть забьет воришку-карманника, то будет менее прав. Мотивированная жестокость, но излишняя. Паразит, конечно, карманник, семью его хотел на месяц без средств оставить, но ведь на жизнь все-таки не покушался.

А вынужденная – это солдат, убивающий в бою: а куда денешься. Вне сражений – добрый и кроткий может быть человек.

Значит. Если ты режешь корову на мясо, то вообще можешь быть человеком не жестоким, добрым. Есть надо, жить надо, а вообще ты эту корову даже любил и жалко тебе ее. Прямо плачешь, а режешь. А рука не поднимается – соседа попросишь. Гуманист. А если ты кошку просто так взял да повесил – ты человек жестокий и вообще гадкий. Должна ли корова, в отличие от кошки, оценить твою жалость и признать твой сравнительный гуманизм?..

Получается: жесток не тот, кто совершает жестокие поступки ради чего-либо, а тот, кто творит жестокость из удовольствия и ради нее самой.

Наполеону очень не хотелось расстреливать четыре тысячи пленных турок в Палестине; долго вздыхал и кривился, но провианта не хватало, людей для охраны не хватало, планы наполеоновские с этими четырьмя тысячами пленных никак не увязывались... выругался, наорал на офицеров и отдал приказ о расстреле. Но египетские деревни, если там убивали хоть одного солдата, вырезал под корень и жег без колебаний: чтоб и другим неповадно было, в тылу должен царить порядок. А уж о повешенных и расстрелянных армейских интендантах при наведении порядка в Итальянской армии и говорить не приходится.

Человек истинно военный относится к жизни ясно и просто: творит меньшую жестокость, чтобы избежать большей. Повесить двоих и пресечь грабежи, чтоб в грабежах не зарезали сотню. Перестрелять засильщиков, чтоб избежать кровавого восстания. И т.д.

Генерал авиации Полынин, воевавший в 29-м году в Китае, с удовольствием (сталинская школа) вспоминает, как Чан Кай-ши лично отдал приказ рубить головы часовым с постов дальнего оповещения, которые прозеваются японские самолеты, идущие бомбить китайские аэродромы. И после этого драконовского приказа, отмечает Полынин, наши потери на земле резко сократились.

Есть несколько дежурных вопросов-утверждений, о которых необходимо упомянуть.

Правда ли, что жестокий человек – это слабый и трусливый человек? Ответ: нет, доля правды в этом утверждении невелика. Обер-палач Грозного Малюта Скуратов был человеком сильным и храбрым и погиб в бою. Но большинство опричников показали отменную трусость при осаде Москвы в 1571 году крымскими татарами, после чего разъяренный Иван отправил ребяток на плаху; а ведь беззащитных они резали отменно и в охотку.

Жестокий преступник бывает силен и храбр: читайте уголовные хроники. Но и забитые трусоватые крестьяне, поймав конокрада, предавали его лютой казни.

Здесь надо говорить о жестокости как аспекте силы и аспекте слабости.

Сильный человек, стремясь к своему и утверждая свое, неизбежно проявляет жестокость в конфликтах с окружающими. Преодоление и подавление сопротивления. Если ты ему не мешаешь, не встаешь на пути – живи спокойно. Простейший пример – набить морду сопернику, чтоб не подходил к твоей девушке. Любой карьерист жесток с конкурентами, если они опасны. Именно поэтому без жестокости невозможен государь – чтоб энергичные претенденты не удавили и вообще не мешали делать то, что он полагает нужным. Действию приходится подавлять противодействие.

Сильному может не нравиться жестокость. Но если он не способен на жестокие поступки – он тем самым перестает быть сильным: его сила встречает преграды, непреодолимые иначе. Дело не сделано: упорные и несогласные с ним люди продвигают свою точку зрения. Чем выше к солнцу, тем меньше места на вершине. Ученые, артисты, военные, политики – везде борьба, грызня, конкуренция, и везде нужно уметь перекусить соперника.

Если же человеку нравится борьба, нравится перекусывать соперников – жизнь такая ему легче и приятнее, чем гуманисту, и наверх он идет быстрее и вернее. Вот товарищ Сталин любил уничтожать конкурентов – и вполне преуспел в своем деле. Это он-то, жестокий, был слаб – от рысего взгляда которого боевые маршалы чуть в обморок не падали?!

А может быть сильный человек, который никак не знает, к чему прицепить, куда устремить свою силу: то он боксом занимается, то водку пьет, то проекты строит. И самоутвер-

ждается он, как злой подросток: избирая себе жертву из окружающих и портя ей жизнь. Ах, ты умный, богатый, известный, благополучный? А я высмею тебя при всех, наставлю тебе рога, оскорблю, и ничего ты со мной не сделаешь – я значительнее тебя. Самоутверждение через жестокость. Таков толстовский Долохов из «Войны и мира» – сильный, храбрый и жестокий человек. Э?

А жестокость трусливого и слабого, имея в основе ту же самую природу – стремление к самоутверждению – проявляется через иной механизм, вытекает наружу через несколько иное русло, так сказать. Трусливый и слабый человек закомплексован. Он не рискует, не идет на опасность грудью; скрывает жажду мести, глотает оскорблений, поджимает хвост, – выживает среди более сильных. А тоже хочет быть сильным, значительным, чтоб его боялись, уважали, считались с ним. И уж когда он, в безопасной ситуации, дорывается до того, что может явить свою власть и силу – о, вот тогда вся его многолетняя жажда отомстить многочисленным обидчикам вылезает наружу! Тем, кто красивее, сильнее, богаче, удачливее, кто плевал ему на голову и гонял на побегушках. И вот тогда он может наслаждаться унижением другого, его болью, зависимостью и беспомощностью, резать из него ремни, мучать, разрушать его жизнь.

Поэтому, как говорили те же римляне, худший господин – это вчерашний раб. Поэтому упаси Боже ставить над собой в начальники маленького, вежливого, затюканного человека: он расправит крылья – и всех начнет жрать с дерзким, непререкаемым и жестоким образом!

Известный пример: в поединке за самку волки никогда не убивают друг друга: побежденный падает на спину и подставляет горло – знак полной зависимости, этого достаточно. Но когда дерутся за самку самцы канарейки – победитель не успокоится, пока не продолжит своим клювиком черепок побежденному. Всех боюсь, но уж на этом-то сейчас отыграюсь!

Сильный и храбрый, явив побежденному сопернику свою силу, идет дальше: и цену он себе знает, и дел впереди полно. Слабый и трусливый, получив власть над соперником, стремится выжать из этой власти максимум самоутверждения: по жизни ты значительнее меня, но уж сейчас я каждый миг буду доказывать нам обоим, какое ты дермо – вой, кричи, пресмыкайся передо мной, я сотру тебя в порошок, сломаю всю жизнь, покажу, насколько я значительнее тебя, вообще уничтожу.

И. И. Тяга к жестокости сидит в каждом. Вспомним милых студентов, которые последовательно нажимали все кнопочки «электрорубильника», при гарантированной абсолютной тайне от всех заставляя корчиться за стеклом актера, изображающего приговоренного к казни на электрическом стуле. Жутко, любопытно, манит: посмотреть, как он будет дергаться при повышении напряжения, вместо того чтобы умереть сразу. Этот старый американский эксперимент в свое время немало озадачил добрых психологов.

Стремление к сильным ощущениям – вот что такое жестокость на уровне ощущений.

Стремление к самоутверждению – вот что такое жестокость на уровне личности.

Стремление к большим действиям – вот что такое жестокость на уровне действий.

От любовного треугольника и до войны: или плохо будет другому – или тебе. Пряников на всех никогда не хватает – люди специально делают такие пряники, чтоб обладание пряником выделяло тебя из прочих, и стремление к прянику делают целью своей жизни.

Практически все великие люди бывали жестоки – а куда денешься. Побежденные враги, сломленные конкуренты, несчастные любовники. Даже добрейший Дарвин – даже он! – лишил заслуженных лавров высокопорядочного Уоллеса, дав добро своим друзьям в Лондоне уговорить колониального служащего Уоллеса не печатать свою статью о происхождении видов и предоставить приоритет Дарвину, который раньше начал работу... Дарвин, конечно, напахал больше и начал действительно раньше, но главную публикацию Уоллес подготовил первый – и кто теперь его помнит, кроме специалистов?..

И последнее. Правда ли, что все жестокие люди сентиментальны? есть такая расхожая сентенция.

В общем неправда – но отчасти правда. То есть:

Обычно жестокими, как мы говорили, называют не тех людей, которые способны на жестокие поступки или даже творят их. А тех, кому это дело нравится само по себе. И не просто нравится «в среднем», как всем (привет от студентов-электронажимателей) – а так нравится, что в реальной жизни они ищут жестоких поступков.

Это что? Это повышенная тяга к сильным ощущениям. Вот такого «некошерного» рода. Садист, понимаешь, отклонение от нормы.

А что такое сентиментальность? Это тоже повышенная тяга к ощущениям, но уже иного рода – сладостно-печальным, слезливо-отрадным.

Жестокость – удовольствие от причинения другим зла. Сентиментальность – удовольствие, опять же, от того, что на других свалилось зло, но здесь уже удовольствие приходит через сочувствие.

Умер бедный влюбленный – это сентиментально. А разрезали на куски бедного влюбленного – это уже жестоко. Первое сладко – второе пряно. Можно сказать, что сентиментальность – это негрубая и эстетически оформленная жестокость. Жестокий громила – тоже человек, печаль и сочувствие ему тоже свойственны, а жажда ощущений у него повышенна. То есть: он клюет на малую и милую сентиментальность острее, чем нормальный «средний» человек – но при нарастании боли, насилия и т.п. у нормального человека приятное чувство стопорится, исчезает – а у него чувство более сильное «перепрыгивает» барьер: сентиментально-жестокий человек может плакать над птичкой, сломавшей крыло – а потом оторвать ей к черту голову, сuke, надоела, сердце рвет.

Опять же – жестокие люди бывают очень одиноки часто, а потребность любить кого-то есть: и вот он любит свою собачку и заботится о ней трогательно после работы, на которой ногти клиентам вырывает.

Садист в камере может с паучком дружить и заботиться о нем, ничего такого, – правда, для этого быть садистом не обязательно.

Нормальный человек посочувствует бедной Лизе и пойдет ужинать. А садист может залиться слезами, и потом сказать: надрываешь ты мое сердце, сука, – и изрезать ее на куски, пьянея от совершающего: и любить ее хочется, и одновременно мучить и резать хочется. Повышенная потребность в сильных ощущениях. Повышенные реакции на чужие муки. И вот эта повышенность реакций включает в себя как радость от них, так и горе, обе половины сферы, но поскольку сам себе сознательно ты горе творить не станешь – то радость получаешь от того, что творишь сам, а сладкое горе – от мелочей, которые к тебе непосредственного отношения не имеют. Есть такой механизм.

Но чаще люди жестокие – душевно грубое быдло. Хрен ли им клумбы с цветочками и музыка Вагнера, пользительные для слез пресловутых эсэсовских комендантov концлагерей.

Вот женщины менее склонны убивать животных, чем мужчины. Охотой как хобби увлекались всегда мало. Но давно подмечено: втянувшаяся в охоту женщина становится очень жестоким охотником. Прям как тот кенарь. Почему? А – коли полетели сорванные сдерживающие центры и нервная система вкусила силу ощущений от убийства живых существ – началась своего рода наркомания: мозг хочет, требует этих ощущений! Так, в общем, развивается садизм, зерно которого есть в каждом. Да и на зонах бабы между собой еще более жестоки, чем мужики, – тот же механизм.

Предательство

Всемирная История Предательства – вот достойный аспект рассмотрения истории, психологии и социологии. Потому что вряд ли жил на свете человек, который – хоть на секундочку и по мелочи – вовсе бы никого и ничего ни разу не предал. И хотя бы в мыслях своих не был вовсе знаком с предательством.

«Моя вина» – назвал свой некогда знаменитый роман норвежец Сигурд Хуль, нобелевский лауреат. На единую минуту и только в мыслях предал герой романа свою любовь: черт, они оба молоды и бедны, ну куда ж тут жениться и рожать ребенка, который у нее, оказывается, будет. Он даже не сказал об этом ни слова – предательство было только в его глазах, на лице. Через минуту он уже искренне сказал ей все те слова любви и верности, которых она ждала; сказал то, что действительно чувствовал после минутного приступа малодушия. Но минуты оказалось достаточно... Она исчезла из его жизни. Он не знал своего сына. И увидел его впервые много лет спустя – когда в оккупированной немцами Норвегии его сын, квислинговец, коллаборационист, предатель, руководил арестом его, бойца Сопротивления. Такая история.

«Ведь каждый, кто на свете жил...»

Предателей Данте и законопатил в девятый круг Ада. Дальше уже некуда.

Доносчику – первый кнут. Предательство доверившегося всегда расценивалось как дело гнусное – даже тем, в чью пользу оно совершалось. Самым цельным и здоровым образом к этому относилась, на уровне Закона, Яса Чингиз-хана: это дело заслуживает исключительно смерти, и никаких гвоздей. Монголы времен великой и грозной славы своего народа отличались замечательным психическим здоровьем.

Античные греки, в войнах с персами захватывая пленных, с собственно персами обращались в рамках тогдашних правил войны: пленных можно было обменять, отпустить по заключении мира, интернировать и поселить на дальнем краю своих земель, пусть в земле ковыряются, их внуки уже почти своими людьми будут; можно было, наконец, продать в рабство – это также считалось делом законным, прибыль опять же. Но если в плен попадались союзные персам малоазиатские греки – этих неукоснительно предавали казни, как предателей общего дела борьбы с персидским завоеванием.

Равно и римляне славной эпохи величия Республики бывали способны – это во время войны-то! – отказаться от услуг предателя, дабы победить доблестью, а не низким коварством. Ну ужасно были гордые и уверенные в себе ребята.

Но вот в истории остался более знаменитым случай с библейской блудницей Раав, которая ради спасения своего рода предала родной Иерихон. И хотя Пятикнижие безусловно одобряет все, что делалось к пользе евреев и во исполнение заветов Бога, давшего им эту землю – заметьте, что единственная предательница была блядью.

Когда же римляне от развалившейся республики перешли к диктатуре, предварившей империю – на место былых доблестей пришло предательство как норма поведения. История великого триумвирата Помпей – Красс – Цезарь – это история клятвопреступлений, надругательства над родственными узами, убийства доверившихся и прочих прелестей гражданской смуты.

Тоталитарное государство вообще норовит возвести предательство в ранг государственного закона. Будьте верны только государству и предавайте друзей и родных во имя его. Тут СССР переплюнул всех: от Ассирии до наполеоновской Франции еще никто не смел объявить благим и примерным делом предательство родного отца: всем привет от несчастного придурка Павлика Морозова, героя-пионера из всесоюзных святцев. Каков же был блистательный результат столь патриотического воспитания советского юношества? Небывалый по масштабам во всей истории России переход солдат на сторону врага – и это в Великой Отечественной

войне!.. Переходили поодиночке и группами, отделениями и взводами, уползали за нейтральную полосу целыми караулами, дозорами и боевыми охранениями. Эта история, надо полагать, не будет написана никогда – поскольку никто не собирается открывать архивы СМЕРШа. Но в семидесятые еще годы ветераны-мемуаристы «не для печати» (чего уже старику бояться? ничего у него нет, кроме пенсии сегодня и смерти завтра) поведали такие истории, что рот раскрывался и волосы шевелились.

(Российские традиции вообще недурны – хотя и прочих идеализировать не надо. Но не сразу сможешь найти в истории другой пример, когда сыну предложили купить жизнь ценой крови отца, которому он для этого должен перерезать горло. И перerezал. Федор Басманов при Иване Грозном.)

Как «предательство века» часто упоминают сдачу немцам генералом Власовым 2-й Ударной армии. Менее часто упоминают, что от армии остались рожки да ножки, и сам факт сдачи абсолютно ничего не менял. Еще реже пишут, что причиной уничтожения армии были идиотизм и самодурство высшего командования, которое всегда преследовало одну главную цель: делать только то и только так, чтобы заслужить хорошее отношение товарища Сталина, это было даже и гораздо важнее, чем избежать поражения: убитых-то спишем, а вот если победишь, но вызовешь неудовольствие товарища Сталина – шлепнуть могут как пара пустых. Нетрудно представить эмоции Власова, которого неделями бомбили глупыми и ведущими к гибели приказами, отвергая его аргументы, а когда уничтожение окруженной армии подходило к концу – ему, значит, по положению «живым в руки врага не попадать» следовало застрелиться. Сволочи и идиоты в Москве уничтожили его армию, а теперь он же еще должен стреляться! Не захотел он стреляться. Смертной ненавистью ненавидел он к этому моменту советское Главное командование. И все равно, все равно – предательство его в истории не оправдывается ничем.

Вообще мы никого и ничего оправдывать не собираемся, мы не райсуд. Нас интересует понять.

С чего стал предателем знатный и удачливый вельможа князь Курбский? Во-первых, с того, что польский поход, задуманный как авантюра, провалился, и добра от Грозного ждать не приходилось. Во-вторых, с того, что армия разбежалась, дезертировала. В-третьих, с того, что Грозного боялись и ненавидели – и порешили, что лучше остьаться жить в Польше, чем вернуться домой и угодить на плаху. Опять же – ну правы же ребята были! А вот все равно – не совсем хорошо попахивает.

Удивительно к месту процитировал Священное Писание Линкольн в геттисбергской речи: «Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит». Это относится не только к гражданским войнам. Ибо любое предательство – это разделение на две враждебные части того, что на уровне отношений считалось как бы за единое целое.

Что такое предательство? Можно сказать: это прагматическое решение конфликта между идеальным и реальным. Непонятно; недостаточно. Попробуем разобраться.

Предательство всегда совершается по отношению к кому-то. А н тоже не совсем, не абсолютно. Иначе не говорили бы: «Он предал свой талант», или «свои убеждения», или «свое прошлое». Здесь имеется в виду, что человек отказывается от каких-то своих взглядов, или возможностей, ради выгоды конкретной: денег, карьеры и т.п. Как бы он «разделился внутри себя самого», и более низменная, корыстная, жадная половина предала благородную половину. А вот если стяжатель и карьерист отказался от денег и карьеры ради благородного, бескорыстного поступка – тогда никто и не подумает сказать, что «он предал себя».

Здесь работают моральные категории. Совесть, честь, благородство, верность, честность. Вот если человек нарушил их, пренебрег ради цели низменной, корыстной, шкурной – тогда он предатель. Гм, а какая же корысть была Павлику нашему Морозову предавать отца? Он же это сделал из идеальных побуждений, ради счастья родины, как он полагал.

Кроме того, если объяснить одно слово, подставив на его место другое, также достаточно неопределенное и неоговоренное конкретно, что оно такое обозначает, то это ничего не прояснит.

Так... Предают что-то свое, близкое, родное, отечественное – в пользу чего-то менее близкого, чужого, даже враждебного, – чтобы получить личную выгоду: жизнь, деньги, власть и т.п. Предать можно только свою семью, группу, страну – а чужую нельзя, можно лишь ущемить ее интересы. То есть предать может только свой, только друг, – а чужой он чужой и есть.

Ладно, но почему, если ты предал своих врагов, то враги тоже тебя презирают? Обидно, понимаешь. Потому что враги тоже уважают моральные категории... но про моральные категории мы уже упоминали, они ничего, к сожалению, не объясняют, более того – они сами требуют объяснения.

А каковы мотивы предательства? Корыстные. А если бескорыстные: оскорбили человека, или ненавидят он, или завидует, и в результате предательства ничего не выигрывает, живет хуже, чем раньше, но – хотел насолить своим и насолил. Где корысть, строго говоря?

Кого предавал Талейран? Всех, кому служил. Зачем, почему? А они все равно шли к гибели, а он успевал хорошо устроиться, был на плаву, при деньгах и власти. Действовал в свою пользу.

Но какую пользу извлекала из своего предательства «кембриджская пятерка», работавшая на советскую разведку из высших, идеологово-политических соображений?.. И денег не брали. Идейные борцы. Сплошной риск и убытки.

Если объявить предателя просто потребителем – тогда все ясно. Нет у него великих ценностей, за которые он может отдать жизнь: незначительный он человек, не способный на самые крупные поступки, ему прежде всего лишь бы выжить и тепло устроиться. Поэтому его презирают: немного он стбит. Он не может противостоять силе, он может лишь перебегать на ее сторону. Он выживает не потому, что победил, а потому, что примазался к победителям, сам таковым не являясь. Он труслив, слаб, мелок. Он существует не потому, что является другим свою волю и утверждает ее вопреки сопротивлению – он существует по милости сильного и заискивает этой милости: собака, сказал бы мусульманин. Он зависим, у него душа раба.

В любой очереди, при конфликте чиновника или кассира с кем из публики, всегда находится доброхотный защитник кассира от «принципиального» покупателя: эдакий подхалим, желающий задобрить представителя власти, чтоб тот к нему потом лучше отнесся. Мелкий бытовой вариант расхожего предательства. Угодливое подсмеивание шутке хама-начальника, издевающегося над несчастным из подчиненных. Любой подхалимаж, любая угодливость – мелкий вариант предательства: ты «поступаешься моральными принципами» ради того, чтоб начальник к тебе лучше относился, т.е. из шкурного интереса.

А вот – храбрый солдат, профессионал, бессребреник, который из рядов побеждающей армии (именно!) переходит в стан проигрывающего врага и честно сражается там. Он, может, патриот маленькой побежденной страны. Он, может, антифашист, или антисоветчик, или антиамериканист. Все равно: для вчерашних собратьев по оружию он предатель, хуже и ниже честного врага. Присяга, верность, оно все конечно... но – почему?! Доверие обмануто, и т.д. – но все-таки: в чем тут дело?..

Почему предавать всегда нехорошо: сильный ты или слабый, получил выгоду или не получил, перебежал на правую сторону или виноватую, предал из низких побуждений или возвышенных? А?

Тут впору вспомнить о юнговских *архетипах*, но в архетипы мы не верим и теорию сию полагаем наивной, поверхностной и спекулятивной философией, которая тем и отличается от науки, что ее невозможно научно ни доказать, ни опровергнуть – она существует как бы сама по себе, законченная конструкция условных рассуждений и допущений.

Можно ведь сказать так: предатель противопоставляет грубой силе – ум (хитрость, коварство, изворотливость, изобретательность). Почему же мы не уважаем его человеческий ум?..

Да нет, иногда и уважаем. Сэр Варвик, «делатель королей», только и делал, что бегал от Ланкастеров к Йоркам и обратно. Его обидели – он изменил – принес победу вчерашним врагам против вчерашних «своих» – и пошел следующий цикл: сам возвел короля на престол – сам сверг и возвел другого. Был талантлив, храбр, мощен – и самолюбив. Союза с ним искали, перед ним заискивали. Предатель? Хм. Не без того... Но здесь еще одна вещь: любого, кто бросил бы ему в лицо обвинение в предательстве, т.е. в данном случае в нарушении чести, он был готов в любой миг вызвать на «Божий суд» – честный поединок, где Бог явит правого через его победу. А боец он был редкостный. И людишки язык придерживали.

Как быть? Вот человек в одном стане. Имеет некие убеждения. Получает дополнительную информацию, переваривает ее, искренне меняет убеждения. Переходит в другой стан. Попахивает предательством. А в каком случае не попахивает? Ну вот не может он больше сражаться за то, во что не верит теперь! Застрелился; не предатель. Открыто объявил свои взгляды и понес наказание вплоть до казни; не предатель. Вместе со своим станом довел борьбу до победы, и отвалил только тогда, когда свои в нем уже особенно не нуждались; не предатель. Благородный человек.

Предательство всегда целесообразно. Предать можно из шкурных интересов, из явной выгоды. А можно (куда-а реже) из идейных соображений, тогда ты идейный предатель, это классом выше, грех твой меньше, но – все равно предательство... И вот в принципе эта целесообразность, логичность – людям не нравится. Люди полагают, что поступать следует против такой целесообразности.

Теперь можем помянуть кантовский категорический императив, и тут же отставим его в сторону, ибо он абсолютно ничего не объясняет: он только дает название, т.е. приклеивает к бутылочке ярлык с существительным и прилагательным, но на вопрос «а почему это так?» отвечает кратко: «А потому». Большое спасибо.

Можно поискать исторически-рудиментарную целесообразность, и попытаться противопоставить целесообразность сообщества целесообразности индивидуума. Типа: до конца защищать свой род, свое племя, невзирая ни на что, иначе враги напугают, подкупят, победят, подчинят, уничтожат, хана генам твоих предков, которые живут во всей твоей родне. На уровне стаи – быть сильнейшим и выжить. Да? А если единственный способ сохранить гены рода – предать заведомо и безусловно обреченных и спасти себя? И выжил, и размножился, и тем сохранил род, – а сам предатель. Тьфу.

Итак. В отношении к предательству мы имеем яркий пример анти-целесообразной настроенности человечества, его анти-рациональной ориентации. Расчет верен – а чувство выше, и хоть ты лопни.

Предателю нельзя доверять, на него нельзя полагаться – предал другого, предаст при случае и тебя? Э, он свалил в туман, его больше нигде не видно и не слышно, и вообще – вот тебе, допустим, абсолютная гарантия, что больше он никогда никому вреда не принесет; все равно ты его презираешь.

В чем же дело?

А в том, что он – недочеловек. Он может быть храбр, богат, силен и знатен – и все равно он унтермен. Любой акт предательства есть акт слабости. Предатель ослабляет то, частью чего он был. Одновременно он ослабляет себя, отделяясь от целого – а равновеликой частью другого целого он стать уже не может, ибо явил свое качество – возможность по собственному усмотрению отделяться от целого. Он неполноценен, ущербен, недоделок.

Предательство – это нарушение верности единству. Единство же есть величина как реальная, так и моральная – одно скрепляется другим.

Не в том дело, что предал твоего врага, а в том, что вообще предал. Негодный человеческий материал. Его можно использовать, но с ним нельзя быть воедино. Не доверишься, спину не прикроет.

Предатель отсоединяет свою личную волю от суммы воль группы, тем самым вредя группе в пользу своих, так или иначе, но собственных желаний и интересов. Внутренний враг. Раковая клетка. То, от чего надо избавляться в принципе.

Внутренняя слабость предателя в том, что он не способен на ощущения, желания и поступки столь значительные, чтобы предпочесть их своей индивидуальной эгоистической потребности. В пределе – он не отдает свою жизнь за то, за что отдают их другие. Причем – здесь принципиален сам момент ухода от единства, перехода его границы вовне. Если ты пришел к врагу из леса – твое дело. Если от нас – ты хуже врага, просим к стенке. Дезертирство – это «пол-предательства», вторая половина – приход к врагу – превращает первую половину в предательство. Даже если ты разделил убеждения врага и отдал жизнь в борьбе против «своих» – в процессе ухода из единства твой интерес был эгоистичен: ты сам так захотел, решил, сделал. Ты не стал напрягаться, страдать, бороться за то, за что готовы они.

Когда ты с чужой стороны стреляешь во вчерашнего своего – в этот миг своя жизнь тебе дороже, чем его.

Верность означает: «Быть с вами и делать вместе это дело для меня дороже всего, и дороже жизни». Так держалось племя, город, страна. Предательство означает: «Нет, я передумал, я стал считать иначе, уже не дороже; мне теперь дороже другое». Ах ты мелкая сука!..

Предательство оскорбительно по сути; и не так важно, кто оскорблена, уж больно мерзок оскорбитель. Оскорблено наше представление о верности, чести, долге, благородстве, справедливости. Предательство аморально.

Ну и что, что аморально?

А то, что мораль противостоит расчету и целесообразности. И более того – стойт выше их. Руководствуясь и подстегиваемый моралью, и одновременно раздираемый желанием поступить целесообразно по расчету, человек достигает огромных нервных напряжений: ошибка, стресс, страдание, поступок «вопреки своему желанию», гордость тем, что смог поступить так, сознание значительности своего поступка и своей личности. Вот это та внутренняя гордость, то ощущение внутренней значительности, которых лишен предатель – лишен в сознании тех, кто не предавал.

«Он изменил!» – гудит хор жрецов в «Аиде», и этого обвинения достаточно.

«Я сумел быть верным, а он нет, хотя мне было нелегко», – вот тот пункт, по которому честный человек чувствует себя значительнее предателя; а каждый стремится быть как можно значительнее, и отыскивает к тому любые поводы. Поэтому предатель может убить тебя в честном поединке, быть сильнее и умелее тебя – и все равно ты его презираешь, ты выше, у тебя есть неоспоримый пункт превосходства.

Агрессивность

Скомпрометированное слово, стилистически отрицательно окрашенное, означающее насилие по отношению к кому-чему либо. В последние полвека не стихают досужие разговоры о необходимости избавиться от агрессивности человека, уменьшить ее. Агрессивность рассматривается как причина войн, насилия, конфликтов в обществе, а это, значит, нехорошо, и с этим надо бороться. Чуть иначе – называют агрессивностью склонность решать конфликты и противоречия методом насилия, силового навязывания своей воли другим – в противовес компромиссу, консенсусу, миролюбивому улаживанию и т.д.

При этом согласны, что солдат, конечно, должен быть агрессивным. Но хорошо бы сделать так, чтобы агрессивен он был только по отношению к врагу и только по приказу и в рамках приказа, – а со своими и тем более с начальством агрессивен не был, а был исключительно мирен и дисциплинирован. Вот робот такой с десятком кнопок на пульте управления – а пульт в руках высокого командования под присмотром правительства. Пока не получается. Хотя немец, скажем, к такой модели гораздо ближе, чем гарлемский негр.

А если вообще не найти способов уменьшить агрессивность человечества, то оно может покончить с собой, либо в вихре ядерной войны, либо зверски изгадив свою среду обитания.

Считаем все это прекраснодушным бредом, происходящим из размягчения мозгов. Эта точка зрения и система подхода к человеку изобретена интеллигентами – отличающимися от просто умных людей тем, что интеллигент с душевной слезой настаивает на утверждении желаемого над истинным – однозначно ставя должное выше сущего.

Сейчас мы сменим на товаре этикетку и поглядим, что получится.

Агрессивностью называется склонность существа преодолевать сопротивление окружающей среды для достижения своих целей. Подразумевается, что окружающая среда при этом терпит ущерб, изменяется «не в своих интересах», «продавливается».

Если елочка растет рядом с дубком, она стремится вверх как можно скорей, хочет затешить ему макушку: тогда он погибнет, а она будет расти спокойно. Если не удалось, дубок войдет в силу и своей мощной корневой системой уничтожит все деревья в радиусе десяти-пятнадцати метров: ему нужен простор, свет, много питания, и его корневые побеги «впрыскивают» дубильные вещества во все, с чем встречаются.

Кролик агрессивен по отношению к траве, а волк – по отношению к кролику.

Борьба видов за выживание, короче. Что Дарвин в принципе теорию всеобщей борьбы за выживание не сам придумал, а перенял у Гоббса, который ее создал как раз применительно к людям и на век раньше, сейчас как-то редко предпочитают вспоминать.

А поскольку сила противодействия равна (в подвижном процессе не совсем, почти равна) силе действия, то чем больше человек чего-то хочет, тем большее сопротивление ему приходится преодолевать. Борьба старого с новым, талантов с бездарностями, и т.д.

Человеку же говорят моралисты: «Вписывайся мягче! Договаривайся миром». Руби деревья для прокорма, но не для богатства.

Энергоизбыточный человек всегда продавливал сопротивление окружающей среды, как никто. Нет великого человека в истории, который не поотдавливал бы ноги окружающим. В любви, в карьере, в науке и творчестве – конкуренции не избежать: реализуя себя и достигая своих целей, ты неизбежно перекрываешь кислород тем, кто жизненно хочет того же самого, что и ты. Места в сердце и постели любимой, в президентском кресле и нобелевском списке лауреатов на всех не хватит. И фиг миром договоришься с конкурентами.

Чем сильнее желание сделать что-то – тем на более решительные шаги готов человек, чтобы добиться своего. И на этой арене люди умирают с оружием в руках, как констатировал умный старый Вольтер.

Энергоизбыточный человек запрограммирован природой, создан так, суть его такова, что ему потребны сильные ощущения, которые даются преодолением сопротивления окружающей среды.

Пацанов заставляет драться та самая сила, которая гнала Колумба через океан в Америку: стремление к максимальным ощущениям через максимальные действия.

А если человек не способен преодолевать сопротивление окружающей среды – это безвредный соглашатель, бесхребетный всеобщий приятель, которого обязательно затрут конкуренты, обокрадут в его идеях коллеги, используют в своих целях все, кто ловчее и бессовестнее.

Маршал Жуков был человек страшный. Жестокий сатрап и бездарный полководец, побеждавший только при многократном перевесе людей и оружия над противником. Но своей дикой жестокостью он заставлял выполнять приказ армию – голодную, деморализованную, плохо организованную и плохо управляемую, воюющую в этом советском бардаке на пределе и за пределом сил и возможностей. Жуков не мог изменить структуру армии и тем более – структуру всего государства, он мог лишь угрозами расстрелов и повешений гнать в бой. Войну выиграли. Люди более мягкие, чем сталинские ребятки-людоеды, в этих условиях от армии могли бы и вовсе ничего не добиться: слаб человек и жить хочет, а условия Отечественной войны были для солдата чудовищны, часто практически непереносимы.

Степень жестокости в больших делах – разная, а принцип один...

А уменьшение склонности к преодолению сопротивления среды – может быть только аспектом уменьшения энергоизбыточности человечества. А это – вряд ли.

Искушение

У Александра Грина есть рассказ о том, как мужчина в день свадьбы, кануна счастливой жизни с любимой девушкой, просто отошел от нее, приблизился к двери, спустился в сад, через калитку вышел на улицу, и продолжал идти... пока не вышел из города, и дальше, и дальше. Жизнь спустя, одинокий без любимой, не зная, прожил он свою судьбу или чужую, он признается рассказчику, что в тот решающий миг счастливого вечера он вдруг просто подумал: а что будет, если я отйду? если выйду в сад? и, следуя этому странному импульсу «наперекор себе», холода от ужаса содеянного, ушел навсегда.

Это классический, чистый пример того, как человек делает то, чего делать не хочет. Искушение как чувство противоречия себе самому. Дуализм стремления к счастью и несчастью одновременно, а примечательность и незаурядность случая в том, что человек сознает и фиксирует обнаженное решение дилеммы в сторону несчастья. Аргументы, рациональные мотивы здесь отсутствуют.

Поскольку человеку свойственно во всем искать рациональные мотивы и по возможности просто раскладывать все по полочкам разума, искал он всегда и объяснение феномену искушения. Самое общее и простое объяснение носит форму нехитрого аргумента «а вот потому», и все тут. Раз следовать искущению, и даже вообще испытывать его, противоречит нашим интересам как мы их понимаем – так это Дьявол нас толкает, Дьявол нас искушает злом. Вводится такая нехитрая условная величина «дьявол» – и как бы налепив такую этикетку на явление, можно успокоиться: ну, мол, теперь все ясно.

Есть некий внешний фактор, вот такое имя мы ему дали. Но это объяснение для тех, кто думать не любит и не умеет, а хочет на все иметь простые готовые ответы.

«Искушение святого Антония» – один из любимых мотивов христианской теософии. Отшельник Антоний хочет аскетизма и праведности, а ему мерещатся женщины, пиры и прочие соблазнительные вещи, аж молиться не успевает. Это его Дьявол, естественно, искушает.

Искушение – едва ли не главный исходный мотив романов Достоевского, признанного одним из гигантов духа мировой литературы. Сам Достоевский вечно терзался греховными страстями к деньгам, игре и малолетним девицам, и подавлял эти искушения с переменным успехом. Но если «Игрок» – это описание гибельного следования искущению без особого анализа мотивов, то все суперзнатоменитое «Преступление и наказание» – это постоянное выяснение рациональной мотивации искушения – будучи нищим, хлопнуть ростовщицу и разжиться чуток деньжатами на жизнь. Автор раскладывает простые аргументы «за» и «против» и в конце концов решает спор в пользу совести и Евангелия. То есть на чисто моральном уровне. Мы также против убийства старушек и за моральные ценности, но нас интересует анализ на уровне научного, логического понимания – каковому пониманию подлежит и сама мораль. Категорический императив мы оставляем Канту – он плох тем, что ничего не объясняет и пониманию предмета никак не способствует. «Нельзя, потому что нельзя», – это для детей младшего дошкольного возраста.

Что есть первое и необходимое условие любого искушения? Наличие запрета, внешнего или внутреннего, категорического или как минимум осознаваемого. Диапазон запрета – от предельного внешнего, типа угрозы гибели тебя, или всей твоей семьи, или вообще всей Земли, если ты нажмешь ядерную кнопку – до мельчайшего внутреннего, типа съесть соблазнительное пирожное и тем нарушить свою диету и перестать худеть, а очень хочется похудеть и быть стройным и красивым.

А кто ж не слыхал, что достаточно человеку что-то запретить, как он начинает этого хотеть, даже если раньше об этом вообще не думал. Любой запрет как-то раздражает человека, как прыщик, как кошку бантик, вот мешает ему жить спокойно. Даже если это мелкий воле-

вой самозапрет. Что такое самозапрет? Это человек путем рационального приказа себе подавляет свои же желания. А хотеть он от этого перестает? Нет, часто напротив: как даст зарок чего-то не делать, так тут же сильнее хочется: хоть курить, хоть тупому начальству возражать.

Корыстный мотив искушений даже не заслуживает особого рассмотрения. Если человек хочет грабануть банк, но боится наказания в случае неудачи или усвоенная мораль не даст ему пойти на грабеж – тут все ясно. Если гарантировать людям успех, безнаказанность и анонимность грабежа – хана банкам, у большинства мораль не выдержит.

Есть искушение оружием. (Свойственно это почти только мужчинам.) Красивое, эффективное, хорошо сработанное оружие буквально провоцирует своего обладателя пустить его в ход. Те, кто держал в руках хороший нож или пистолет, прекрасно это знают. Часто хулиганствующие подростки втыкают в кого-то нож только потому, что нож выглядел красиво и грозно, ну сам же просился в дело. Аналогичное чувство знакомо стрелку, который видит на расстоянии выстрела потенциальную цель. Он может хлопнуть человека просто потому, что тянет это сделать, это так просто, интересно, волнует с приятностью: совместить мушку с прорезью, подвести под цель и потянуть спуск.

Но оружие – это естественный усилитель человеческой значительности: манит власть, ощущение своей значительности, своих огромных возможностей – тебя боятся, от тебя многое зависит, ты повелитель судеб, грозный воин; тебя тянет к максимальным ощущениям через максимальные действия, ты изменяешь мир, выбивая из него людей. Ладно, и это тоже несложно понять.

Просты и искушения св. Антония: секс, развлечения, богатство. Это вообще естественные стремления. Искушениями их делает только запрет.

То есть искушения можно разделить на рациональные и нерациональные, а проще – на понятные и непонятные. Изнасиловать привлекательную женщину, убить конкурента или честно сказать юбиляру, что он кретин – понятен мотив удовлетворить сексуальное желание, или упрочить свое положение, или явить свое умственное и человеческое превосходство (моральный аспект сейчас оставляем в стороне).

Нерациональные искушения анализировать сложнее. Здесь, если разобраться, есть своя классификация.

Искушение смерти. Шагнуть в пропасть или с балкона, застрелиться, сунуть голову в петлю, вонзить себе в сердце нож. Физическая простота, возможность и легкость этого действия производят легкое опьянение сознания. Фрейд решил этот вопрос просто: есть Танатос, зов смерти, и наряду с Либидос, зовом любви, он живет в человеке и определяет его стремления и поступки. Как нетрудно заметить, между Танатосом и Дьяволом здесь нет никакой принципиальной разницы: мы констатируем явление и даем ему название, и этим названием удовлетворяемся в качестве объяснения.

Да нет... Это пьянит острое сильное ощущение. На краю постоять. Своего рода наркотик. Ох что будет, если шагну вниз, вот это да... Это стремление к максимальному действию – изменить и уничтожить весь мир – мир в себе – путем убийства себя. Это стремление к нарушению Главного Запрета – запрета, которым твой инстинкт жизни запрещает уничтожать себя, а наоборот, требует реализовать себя через все ощущения и действия жизни.

У того же Достоевского есть дивные примеры чистых искушений. Как, например, Ставрогин в «Бесах» одного почтенного человека, произнесшего свою любимую присказку: «Нет, меня за нос не проведут», – хватает именно за нос и проводит через все благородное собрание, ошарашенно замершее. Или губернатора, склонившего к нему ухо выслушать по секрету,кусает за это ухо и долгую минуту держит зубами, не могущий высвободиться старик ошеломлен до потери чувства реальности.

Теле– и радиодикторы, работающие в прямом эфире, хорошо знакомы с подмывающим диким искушением (о, разумеется, у них и в мыслях ни на миг нет дать ему ход) выкинуть

в этом прямом эфире какой-нибудь непоправимый фортель: послать всех матом, в недопустимо-разговорном тоне пустить изdevку по адресу верхов, сделать неприличный жест, – словом, выкинуть что-нибудь совершенно невозможное, шокирующее, непоправимое. Ясно, что это им дорого обойдется, конец карьеры, штраф и т.п. – хотя потом можно закосить под дурочку и от суда отвертеться. Почему, зачем? они приличные воспитанные люди, зрителей уважают, с читаемым текстом могут быть согласны... вот такой позыв к гипертроированному и даже преступному озорству.

Действие рождает противодействие. Любой запрет неизбежно порождает внутренний протест – подсознательный, неосознанный, который может не вылезти наверх в сознание никогда, а может вылезти в трансформированном до неузнаваемости виде, – но есть он, есть, некуда ему деваться. Есть акция – есть и реакция: искушение – всегда реакция на запрет.

Помочиться в театре на партер с балкона, засадить камнем в витрину, развинтить железнодорожный путь и пустить пассажирский поезд с рельс под откос, написать неприличное слово на стене парадного дипломатического зала, щелкнуть по носу почтенного начальника, и несть числа – все это совершенно нерациональные искушения, вызванные отнюдь не человеко-ненавистничеством, но лишь подсознательной тягой испытать изрядные ощущения от взлома запрета, что есть действие немелкое.

Мое поколение росло вскоре после II Мировой войны. Зачем мы тайно малевали на стенах свастики?! Мы были дети, дошкольники, нас никто этому не учил, мы не только не были неонацистами, но были по воспитанию эпохи вообще антинемцами, – какова природа удовлетворения, с которым мы это делали? Играя в войну, «немцы» всегда были, разумеется, побеждены – какова природа удовлетворения, с которым «немцы» закатывали рукава и, изображая нехорошую жестокость и «страшность», вопили кривляясь «немецко-фашистские» слова? И присутствовало ощущение, что делаешь что-то нехорошее, и этого нехорошего хотелось, и даже этим нехорошим гордился, прекрасно зная, что это игра и на самом деле ты совсем не такой, другой, противоположный.

Это все равно что корябать гвоздиком лаковый борт красивой машины. Ты не знаешь, чья она, и зависти не испытываешь, и жалко тебе испоганившую тобой же красоту прямо до слез – а корябаешь вот с противоречивым чувством, и хвастаешься потом перед сверстниками, они хвалят, а тебе внутри неприятно за сделанную гадость. А тянет корябать!!!

А может, тебе не запрещали машины корябать, об этом и речи не было. Тебе запрещали за девочками подглядывать, домой опаздывать, шапку не носить. Запрещают одно, а реакция вылезает в другом месте? Примерно так рассуждает сегодня педагогика, самая прогрессивная ее часть. Эта часть права отчасти. Но не совсем.

Где не может быть искушений? Там, где нет запретов.

Где нет никаких вовсе запретов? Нигде.

Что такое искушение? То же стремление к сильному общению через крупное действие.

В чем же крупность действия, если само по себе оно ничтожно?

В нарушении запрета. Ибо он – лишь одна деталь, часть, в общей большой конструкции свода правил общежития. Даже если эти правила внутри тебя и об их нарушении никто не узнает.

Может ли человек не испытывать хоть иногда «идиотских» искушений? Нет.

Почему?

Потому что в нем всегда живо стремление изменять существующую систему «я – мир» через свои действия. Нарушение запретов входит в эту систему. Базируется это на инстинкте жизни, является это частью и аспектом роли человека во вселенной.

А кроме того, на уровне более человеческом. Искушение есть проявление стремления человека к абсолютной свободе. Что есть, как сказано выше, проявление второго закона тер-

модинамики, действие которого ограничить весьма трудно – природа, понимаешь, так устроена. (См. «Свобода».)

Уровень некомпетентности

«Уровню некомпетентности» посвящено шутливое и во многом верное исследование одного славного американца. Сводится оно к тому, что когда работник грамотно и компетентно справляется со своими обязанностями, его естественно повышают по службе для пользы дела и его собственной, и повышают до тех пор, пока он не достигнет уровня, где уже перестает являться компетентным. Таким образом, развится америкашка, все хорошие активные работники, делая карьеру, в конце концов становятся некомпетентными и плохими работниками, и чем выше уровень руководства, управления и вообще чем выше профессиональная ступень – тем ниже там уровень компетентности работников. Хорош – выше, хорош – выше, и так все выше, пока не перестанет быть хорош. Весьма остроумная логика.

Доля истины здесь до крайности велика. На самом деле в жизни, конечно, обычно бывает иначе, и все это знают. Если человек «не тянет» на каком-то высоком уровне, он или сам сваливается на предыдущую ступень обратно, или его задвигают обратно, и вообще для перехода на более высокий уровень требуется запас энергии, способностей, возможностей, который на имеющемся уровне виден и ощущается и самим человеком, и окружающими, которые причастны к его дальнейшему выдвижению.

И однако случаев, когда хороший командир дивизии становится плохим министром обороны и т.п. – сколько угодно.

Человеку вечно всего мало, ему вечно надо больше, выше, иначе, и он лезет все вверх и вверх, пока не набьет на голове шишки об потолок и не свалится обратно – вот что на самом деле имеется в виду.

«Сказка о рыбаке и золотой рыбке» – один из вечных бродячих сюжетов на эту тему. Старуха захотела целое корыто, потом – новый дом, потом – дворянство, потом – царство, и все она получила, так ей захотелось уже стать вообще владычицей и гонять рыбку-благодетельницеу как прислугу на побегушках – и в результате она рухнула на исходный уровень, к разбитому корыту. Нехитрая притча о безграничности желания и достижении уровня, превосходящего возможности, после чего все достижения рушатся, и человек опускается в исходное ничтожество положения.

Это относится ко многим случаям «крайнего величия», которого достигали властители мира, столпы истории. Кир, Александр, Наполеон – создав огромные мощные царства, расширяли их пределы сверх достаточного до тех пор, пока не «запрыгивали» выше своих возможностей, выше возможностей своего государства, и тогда в сверхнапряжении государство рушилось, а властитель погибал. Что б ему не остановиться вовремя?.. Но та самая энергия, то самое желание, которое вело и тащило его вперед и вверх к величию и славе, перетаскивало за черту «компетентности», за предел реальных возможностей, и все рушилось к чертям свинчальным. Потому и рухнул, что хотел чересчур много и сильно. Потому и сделал так много до своей гибели, что хотел так много и сильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.